

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2018, №6, Том 10 / 2018, No 6, Vol 10 <https://esj.today/issue-6-2018.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/10ECVN618.pdf>

Статья поступила в редакцию 01.11.2018; опубликована 21.12.2018

Ссылка для цитирования этой статьи:

Руднева А.О. Условия волатильности ценовой конъюнктуры на мировом рынке нефти в контексте участия России // Вестник Евразийской науки, 2018 №6, <https://esj.today/PDF/10ECVN618.pdf> (доступ свободный).
Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Rudneva A.O. (2018). Conditions of price's volatility on the world oil market in the context of participation of Russia. *The Eurasian Scientific Journal*, [online] 6(10). Available at: <https://esj.today/PDF/10ECVN618.pdf> (in Russian)

УДК 339.5

Руднева Анастасия Олеговна

ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия МИД России», Москва, Россия

Доцент кафедры «Мировой экономики»

Кандидат экономических наук, доцент

E-mail: aoru@mail.ru

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=734383

Условия волатильности ценовой конъюнктуры на мировом рынке нефти в контексте участия России

Аннотация. В статье рассматриваются условия волатильности мировых цен на нефть как один из ключевых аспектов передела сфер влияния на мировой арене. Ресурсная обеспеченность оценивается как базисное сравнительное преимущество, обеспечивающее национальной экономике возможность эффективного участия в международной торговле энергетическим сырьем в качестве одного из ключевых акторов. Автор акцентирует внимание на основных ценовых факторах – соотношении спроса и предложения на мировом рынке нефти. При этом учитываются не только объективная заданность этих параметров, но и их субъективная интерпретация ведущими участниками рынка. Все это порождает информационную асимметрию и провоцирует рост волатильности, поскольку на смену росту цен на энергосырье неизменно приходит их снижение, связанное как со странами (со стороны основных энергопотребителей), так и с региональными и глобальными диспаритетами спроса и предложения нефти. Россию автор оценивает как одного из основных акторов, а не только как энергопоставщика. Речь идет о значимости страны в решении глобальных мирохозяйственных задач. Усиление противостояния с Саудовской Аравией и США подталкивает страну к коалициям, в т. ч. по азиатскому вектору. В этом смысле географическая диверсификация снижает, но не нивелирует полностью внешние ценовые шоки.

Ключевые слова: торговля; внешняя торговля; международная торговля; торговая война; экспорт; Россия; Европейский союз; Китай; США; Саудовская Аравия; нефть; сырье; санкции; экономика; цена; диверсификация

Актуальность темы исследования обусловлена значением для российской экономики экспорта энергосырьевых продуктов и, в первую очередь, нефти. Речь идет о сложившейся гипертрофированности первичного сектора экономики, связанной с ресурсной обеспеченностью России. Дополнительным фактором влияния оказались периоды благоприятной ценовой конъюнктуры, что способствовало росту волатильности экономики.

В этом смысле можно говорить о взаимообусловленности ценовых трендов на мировом рынке нефти и динамики внешней торговли России, а также ряда макроэкономических показателей развития страны.

Изучение условий формирования мировых цен на нефть позволяет определить источники волатильности, а значит, если не устранить их (что невозможно с учетом масштабов рынка и влияния участников), то в определенной мере минимизировать. Причем Россия сама становится актором ценовых колебаний, поскольку наравне с другими игроками формирует дисбалансы совокупного спроса и предложения нефти.

Условия формирования совокупного предложения на мировом рынке нефти

Основопологающей формой международных экономических отношений была и остается международная торговля, «развитие которой ускоряет интернационализация производства и капитала» [9, с. 81]. Эффекты участия в ней определяются исходя из «обеспеченности базисными и развитыми конкурентными преимуществами» [9, с. 42]. Эти преимущества предопределили специфику участия в международном разделении труда – Россия выступает, в первую очередь, как энергодонор, что делает ее экономику волатильной.

Волатильность следует рассматривать с позиции формирования устойчивой зоны риска и, более того, неопределенности, поскольку достоверных оценок ценовых трендов на среднесрочную и, тем более, долгосрочную перспективу, дать невозможно. Действительно, конъюнктура складывается из множества факторов, многие из которых имеют прецедентный характер, однако достоверность прогноза, когда именно и в каком сочетании эти факторы будут определять конъюнктурную симптоматику, чрезвычайно низка – ситуация формируется усилиями большого количества акторов.

Состояние мирового рынка энергосырья, как и любой другого рынка, определяется, в первую очередь, соотношением совокупного спроса и предложения, и любые дисбалансы между ними незамедлительно влияют на цену.

Наиболее показательным в этом смысле ценообразование на такой важнейший энергоресурс как нефть. На рисунке 1 представлена текущая и прогнозная оценка Организации стран-экспортеров нефти (далее – ОПЕК) величины и совокупного спроса, и совокупного предложения (в млн баррелей в сутки). Даже незначительное их рассогласование стимулирует ценовые колебания, и, хотя прогнозные оценки предполагают сближение (но не идентичность) показателей к 2030 году, это не избавляет рынок от волатильности на текущий момент и среднесрочную перспективу. Оценка более долгосрочных трендов осложнена ситуацией неопределенности, что придает экспертным суждениям предположительный характер.

Совокупное предложение нефти формируется исходя из обеспеченности данным фактором, однако между потенциально возможной и фактической величиной предложения – 96,4 млн баррелей в сутки (рисунок 2) – зачастую возникает диссонанс по причине искусственного сдерживания и даже сокращения энергодобычи в целях подстегивания роста цен.

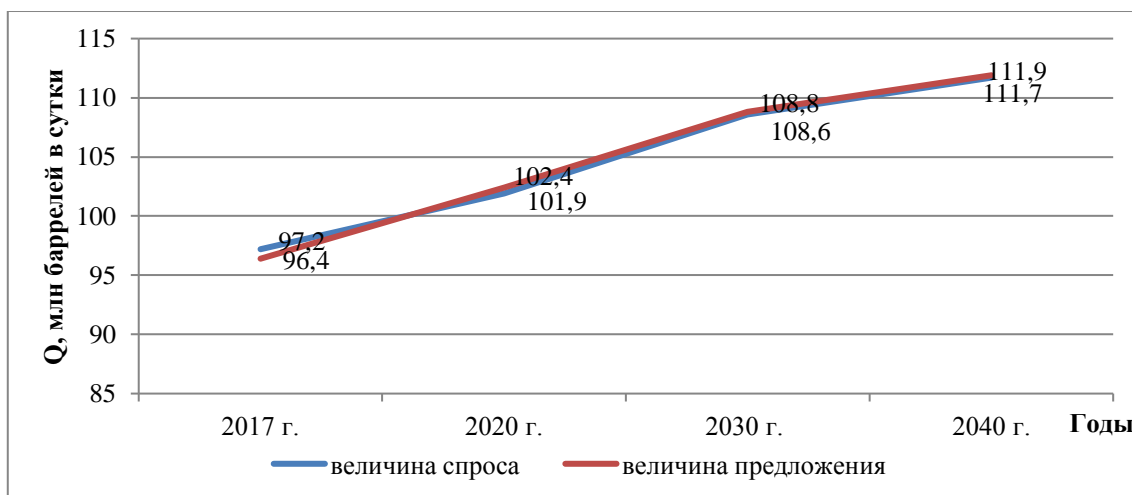

Рисунок 1. Величина спроса и предложения нефти (текущая и прогнозная), млн баррелей в сутки (источник: построено автором по данным ОПЕК¹)

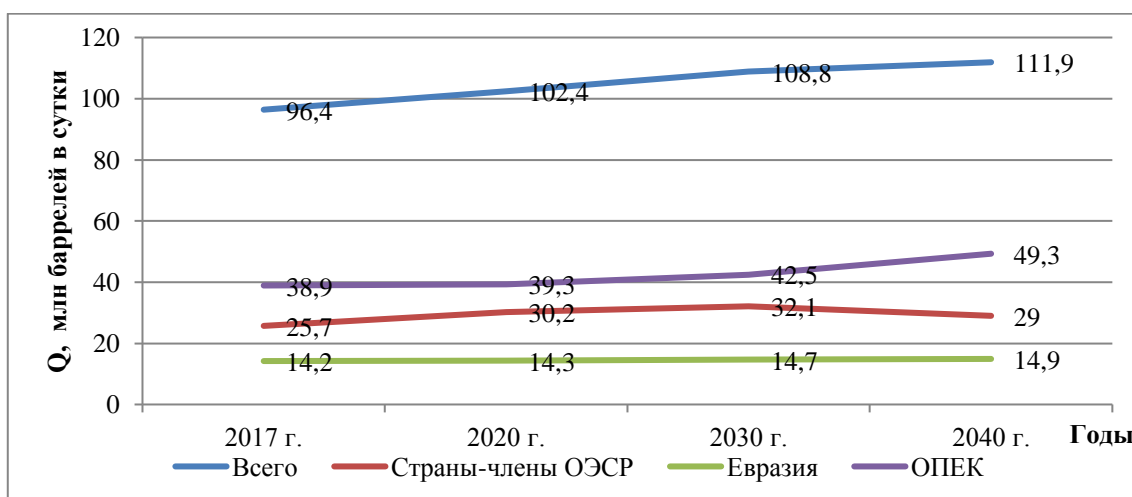

Рисунок 2. Величина предложения нефти (текущая и прогнозная), млн баррелей в сутки

Достичь этой цели невозможно без скоординированных усилий (что можно было наблюдать в рамках договоренностей по Соглашению ОПЕК+ 2017 года²), и в этом смысле ситуация сговора в наибольшей степени позволяет контролировать ценовые колебания и задавать повышательные ценовые тренды – в интересах каждого из участников рынка – высокая цена на нефть и на другие, сопряженные в ценовых аспектах виды энергетических продуктов.

Однако следует учитывать, что между крупнейшими экспортерами – Саудовской Аравией, Россией, Ираком, Канадой, ОАЭ, Ираном, Кувейтом, Нигерией, Венесуэлой и Анголой – нет и быть не может единства мнений, поскольку цель каждого из них – удержание доли на рынке и, по возможности, форсирование присутствия (рисунок 3).

¹ Здесь и далее (кроме Рисунков 7 и 10) по данным ОПЕК. World Oil Outlook 2040 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.opec.org/opec_web/en/publications/340.htm. <https://asb.opec.org/index.php/data-download> (дата обращения: 11.11.2018).

² Соглашение ОПЕК+ было призвано остановить снижение цены на нефть путем сокращения ее добычи и экспорта крупнейшими участниками рынка, включая Россию.

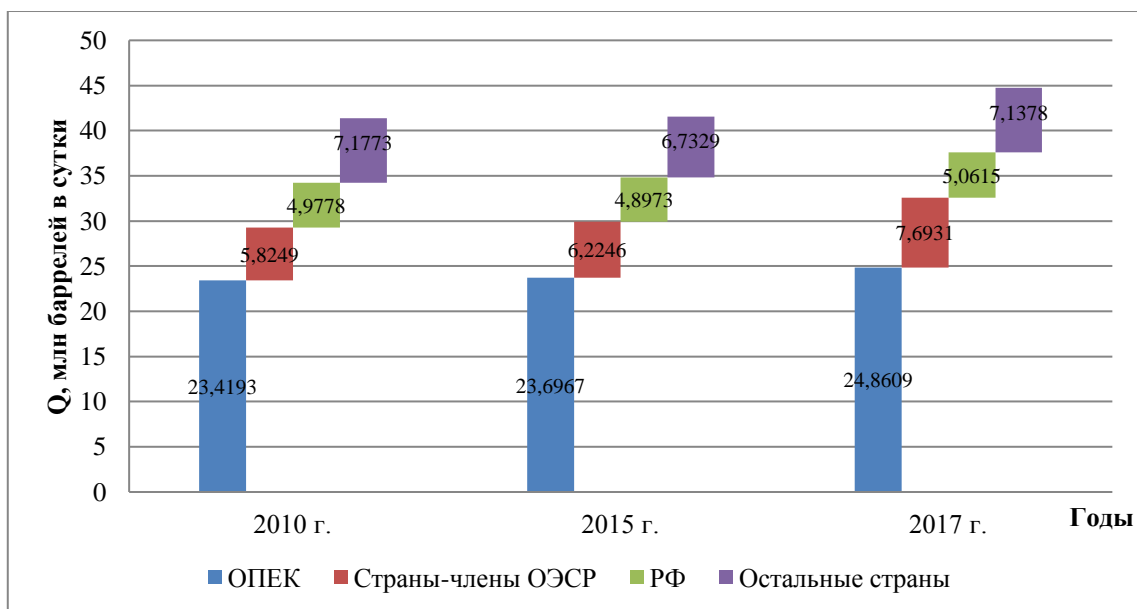

Рисунок 3. Динамика участия крупнейших акторов в мировом экспорте нефти в 2010-2017 гг., млн баррелей в сутки

Действительно, некоторые акторы ставят перед собой амбициозные цели передела сфер влияния, чего невозможно достичь без потерь для всех участников, включая инициатора торговой войны. В его роли выступает Саудовская Аравия, занимающая первое место по суточной нефтедобыче (рисунок 4).

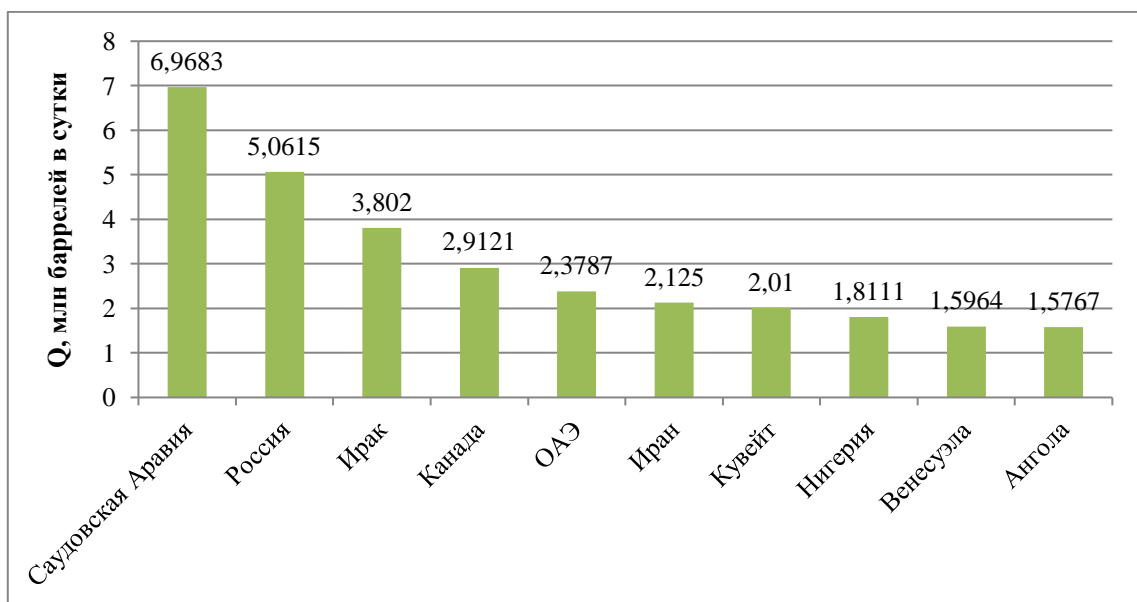

Рисунок 4. Крупнейшие экспортеры нефти в 2017 г., млн баррелей в сутки

Это значимый игрок, который в состоянии влиять на расклад сил на мировом рынке нефти и, более того, на конкурентный потенциал отдельных стран-экспортеров путем снижения мировой цены ниже уровня себестоимости нефти в этих странах за счет наращивания собственной добычи и экспорта.

Подобный расклад уже имел место в прошлом, когда «Саудовская Аравия и другие члены ОПЕК, доля которых в мировом экспорте нефти в 2017 году составляла 55,6 %, буквально наводнили рынок своим «черным золотом», что привело к настоящему обрушению мировых цен на него» [2, с. 149].

Избыток предложения, возникший уже в 2014 году, некоторыми экономистами [10] объясняется как «следствие глобальной экономической и энергетической цикличности», другие же рассматривают это явление «как попытку нанести удар по быстрорастущей сланцевой индустрии США» [11], обеспечившей беспрецедентный рост экспорта страны с 0,0411 млн баррелей в сутки в 2010 году до 1,180 млн баррелей в сутки в 2017 году (рисунок 5). Однако автор придерживается иной точки зрения – речь, скорее, идет о скоординированных усилиях США и Саудовской Аравии по использованию ценовых шоков в целях экономического подавления таких серьезных участников рынка как Россия. Во внешней политике «Америка позиционируется в качестве глобального кредитора и игрока, которому все должны» [6]. Для сохранения ведущих позиций приходится вступать в коалиции, в т. ч. по вопросам мировой ценовой конъюнктуры.

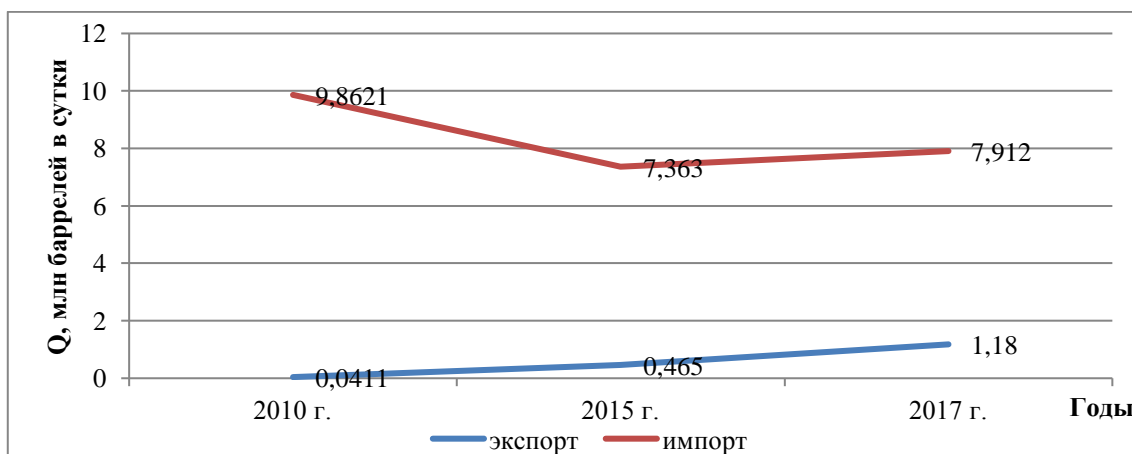

Рисунок 5. Динамика экспорта и импорта США в 2010-2017 гг., млн баррелей в сутки

Тактика форсирования присутствия, реализуемая Саудовской Аравией при поддержке США, имеет три очевидных дефекта. Во-первых, она не может носить продолжительный характер – возможности по увеличению добычи и вывозу всегда ограничены, особенно в рамках отдельно взятой страны. Во-вторых, это создает зоны риска для инициатора в части его финансовой устойчивости – страна-энергодонор истощает свои финансовые резервы вплоть до их полной утраты. В-третьих, страны, чье благополучие зиждется на экспорте энергетических ресурсов и в сторону которых направлены усилия по вытеснению, просто не в состоянии изменить структуру национальной экономики, увеличив, например, долю обрабатывающих производств или третичный сектор экономики. Более того, выход на нулевую рентабельность ряда месторождений, как правило, занимает годы, и ни одна компания не откажется от действующих проектов лишь под влиянием ценовых шоков.

Эти факторы не отрицают возможного передела – негативное влияние на отдельные экономики в части, в первую очередь, бюджетной сбалансированности может быть столь велико, что страны снижают свое присутствие на рынке, но не покидают его, будучи вынужденными образовывать картельные соглашения с более влиятельными игроками.

России в этом смысле приходится прилагать максимальные усилия по удержанию своего присутствия, поскольку возможности по росту добычи нефти ограничены технологическими разрывами, возникшими за последние годы и усугубившимися под влиянием санкций, когда доступ к иностранным технологиям оказался ограничен. Кроме того, «ресурсный потенциал ряда новых месторождений ниже, чем освоенных, что обуславливает возрастание капиталоемкости продукции и необходимость больших объемов инвестиций» [4, с. 12], доступ к которым также ограничен санкциями.

Важным фактором ценовой волатильности оказывается также возможность «выключения» отдельных участников из энергопоставок. Добиться этого возможно только в случае очевидной неэффективности такого игрока в аспектах обеспечения собственной экономической и политической безопасности – любая слабая экономика обречена на управление извне, любая слабая экономика с сырьевым потенциалом обречена вдвойне. Координация дестабилизирующих усилий обеспечивает синергетический эффект – страна может оказаться в условиях изоляции, что ставит под сомнение не только возможности ее дальнейшего присутствия на рынке, но и создает очевидные угрозы ее развитию.

Одним из примеров подобного «выключения» можно считать экономику Ирана (занимает пятое место по суточной нефтедобыче – рисунок 4), давление на которую позволяет в определенной мере сокращать совокупное предложение нефти, а значит, способствует росту цен.

Однако на цену оказывает влияние не столько реальная, сколько предполагаемая величина предложения, и эти два понятия нельзя считать идентичными. Как уже было отмечено, величина предложения изначально задается ресурсным потенциалом стран-производителей, однако имеются объективные и субъективные предпосылки к искажению этого показателя.

К числу первых следует отнести отсутствие необходимого и достаточного уровня развития науки и техники для определения количества вещества природы, которое сокрыто в недрах. Совершенствующиеся технологии разведки и добычи позволяют скорректировать оценки, однако они все равно остаются в значительной мере гипотетическими.

Субъективные предпосылки связаны со стремлением самих доноров энергосырья к искажению данных по разведанным и предварительно оцененным запасам, что является вполне оправданной практикой. Во-первых, подобные сведения могут использоваться конкурентами в своих целях. Например, если ресурсный потенциал страны близок к исчерпанию, это может способствовать игнорированию ее интересов, агрессивной политике вытеснения с рынка с использованием в т. ч. инструментов недобросовестной конкурентной борьбы. Во-вторых, ложными сведениями о собственных запасах энергосырья страна может пользоваться сама для манипулирования ситуацией на рынке. Так, даже в условиях истощения месторождений актер может искусственно завышать величину собственных запасов, чтобы, опять-таки, сохранить свое влияние на рынке, хотя бы на время или, как минимум, не допустить собственного «выключения» из мирохозяйственных процессов – наиболее характерного сценария для ослабевшего игрока.

Таким образом, рынок опирается на величину совокупного предложения, часто искажаемую самими энергопоставщиками. Однако, помимо собственно величины предложения, значительное влияние на него оказывает и величина спроса, которая также может формироваться в условиях информационной асимметрии.

Условия формирования совокупного спроса на мировом рынке нефти

Рассматривая величину совокупного спроса на нефть – 97,2 млн баррелей в сутки (рисунок 6), следует отметить, что за этим параметром стоят потребности как мировой экономики в целом, так и отдельных стран-импортеров в частности.

Разгоняясь и замедляясь (рисунок 7), мировая экономика испытывает различную нужду в энергетических продуктах, поэтому закономерной реакцией на глобальные кризисные явления становится сжатие спроса, а в современных условиях увеличения валового мирового продукта – его рост.

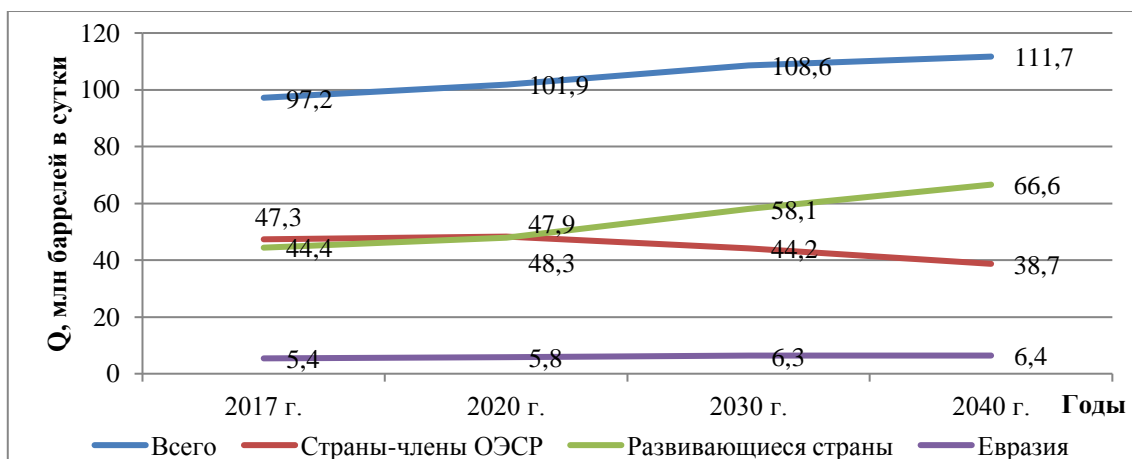

Рисунок 6. Величина спроса на нефть (текущая и прогнозная), млн баррелей в сутки

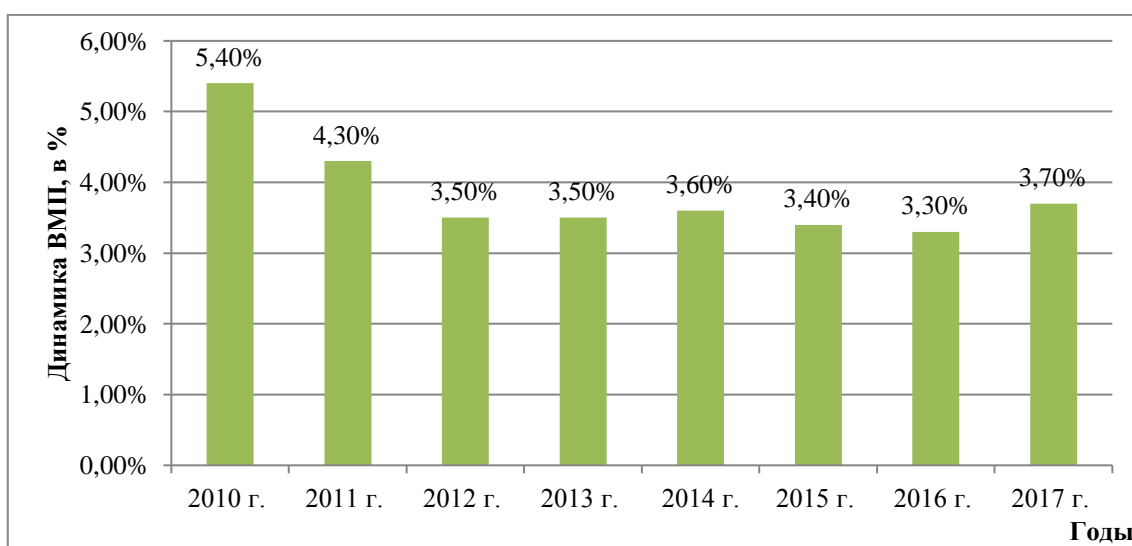

Рисунок 7. Динамика прироста валового мирового продукта по ППС в 2010-2017 гг. (в постоянных ценах), в %

Источник: построено автором по данным Международного валютного фонда – МВФ³.

Однако стоит отметить, что если в целом энергонужны могут и расти, то их структура перманентно меняется – спрос на отдельные виды энергосырья увеличивается в противовес спросу на другие, что связано со многими факторами, в т. ч. с экологическими рисками – при добыче, транспортировке и переработке.

Именно экологические риски во многом определяют рост спроса на природный газ (наиболее высокие темпы положительной динамики в период с 2017 по 2040 годы – в среднем на 1,7 % в год или 25 % общего энергопотребления в 2040 году), что, однако, не позволит нефти потерять лидирующие позиции – около 28 % мирового энергопотребления.

За мировой экономикой стоят конкретные акторы, стимулирующие и сдерживающие ее рост. И эти акторы зачастую не в состоянии обеспечивать собственные энергонужды, поскольку их ресурсно-энергетический потенциал, как и у любой экономики, ограничен, а потребности, напротив, растут, даже в условиях ориентированности на повышение

³ По данным МВФ. Официальный сайт МВФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/weorept.aspx?pr.x=72&pr.y=12&sy=2010&ey=2017&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=001&s=NGDP_RPCH&grp=1&a=1 (дата обращения: 09.11.2018).

энергоэффективности. Этому в немалой степени способствуют поступательное развитие самих экономик с одной стороны и увеличение численности их населения – с другой.

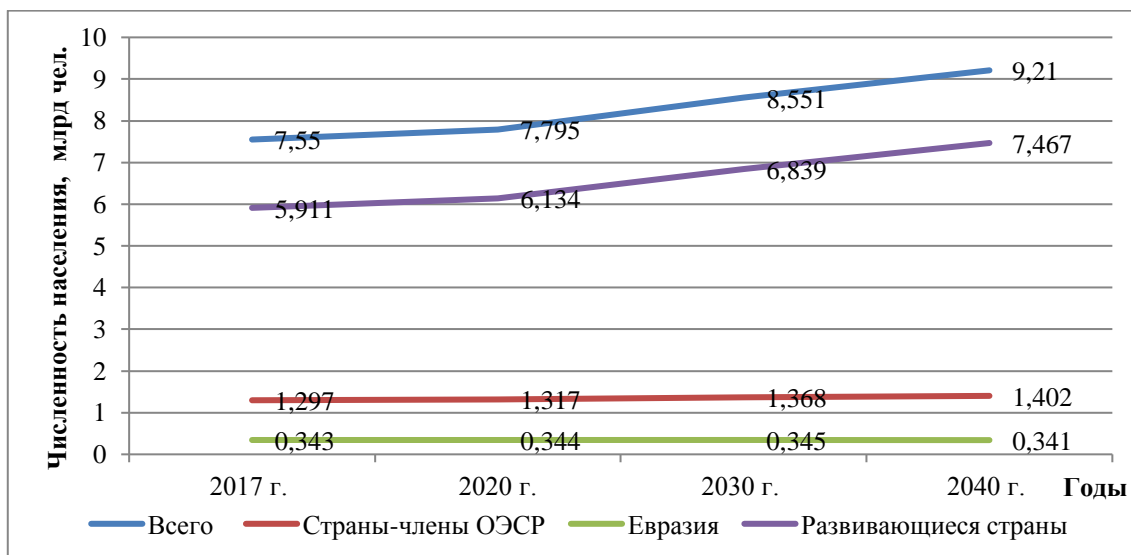

Рисунок 8. Динамика роста численности населения по регионам и в мире, млрд чел.

Так, в Китае, локомотиве мирового экономического развития с ВВП в 2017 году в 12,014610 трлн долл. и с долей в мировом экспорте в 12,77 % (для сравнения аналогичные показатели России – 1,527469 трлн долл. и 1,99 %), занимающем первое место по численности населения в мире, предполагается рост этого показателя с 1,404 млрд человек в 2017 году до 1,417 млрд человек к 2040 году, в Индии – с 1,324 млрд человек до 1,605 млрд человек, в других странах Азии, включая Южную Корею, – с 1,155 млрд человек до 1,437 млрд человек, в странах-членах Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) – с 1,297 млрд человек до 1,402 млрд человек. В целом же за рассматриваемый период ожидается увеличение численности населения с 7,55 млрд человек до 9,21 млрд человек (рисунок 8).

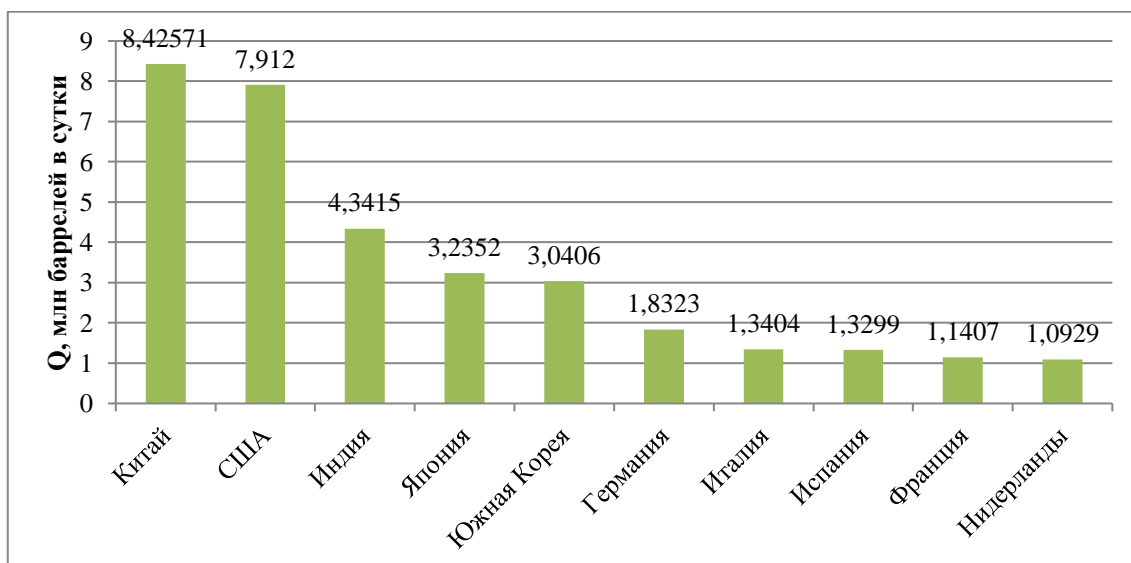

Рисунок 9. Крупнейшие импортеры нефти в 2017 г., млн баррелей в сутки

Именно Китай, Индия и Южная Корея, а также страны-члены ОЭСР и, в первую очередь, Соединенные Штаты Америки, а также Япония, Германия, Италия, Испания, Франция и Нидерланды являются крупнейшими импортерами нефти (рисунок 9), причем страны

Европейского союза (ЕС) оценивают Россию как стратегически важного партнера в контексте его приоритетности как энергопоставщика.

Рассматривая специфику участия Штатов на мировом рынке нефти, следует отметить, что страна формирует ее цену путем воздействия не только на величину предложения, что стало возможным благодаря росту собственной энергодобычи и экспорта, но и на величину спроса, поскольку до недавнего времени США являлись крупнейшим импортером нефти, уступив в 2017 году эту позицию Китаю на фоне роста его энергопотребления (с 4,7667 млн баррелей в сутки в 2010 году до 8,4257 млн баррелей в сутки в 2017 году) и сокращения собственного импорта (с 9,8621 млн баррелей в сутки в 2010 году до 7,9120 млн баррелей в сутки в 2017 году).

Влияние волатильности на экономику России

Возникающие диспаратеты между величиной спроса и предложения формируют ценовую волатильность. На рисунке 10 продемонстрированы ценовые колебания на различные сорта нефти в период максимально негативных ценовых трендов.

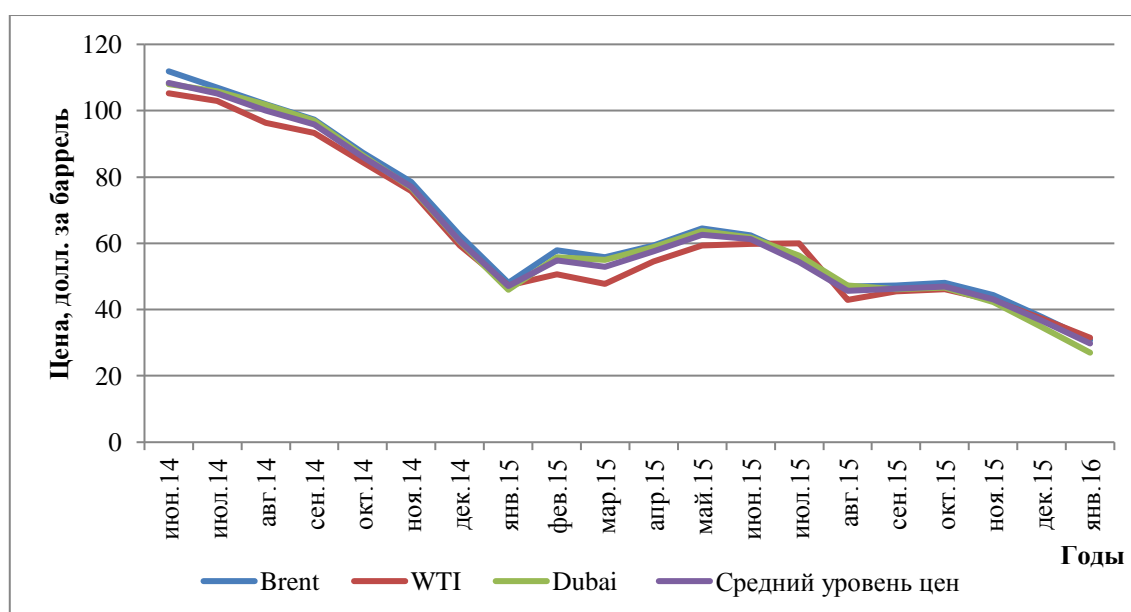

Рисунок 10. Динамика цен на различные сорта нефти в период максимальной волатильности, долл. за баррель

Источник: построено автором по данным Всемирной торговой организации – ВТО⁴.

Так, с июня 2014 года по январь 2016 года цена на нефть марки Brent упала с 111,87 долл. за баррель до 30,80 долл., на West Texas Intermediate (WTI) – с 105,24 долл. за баррель до 31,50 долл., на Dubai Crude – с 108,01 долл. за баррель до 27,00 долл., и в среднем цены на нефть снизились с 108,37 долл. за баррель до 29,78 долл.

Эта волатильность рискована, хотя и в разной степени, для энергопоставщиков и энергопотребителей. Россия, оставаясь сильным и влиятельным игроком (второе место по суточной добыче нефти – 5,0615 млн баррелей в сутки), постоянно испытывает давление этой волатильности, которую отчасти сама и формирует. Возникающие циклические ценовые шоки неблагоприятной общемировой энергосырьевой конъюнктуры, как и сама структура экономики

⁴ По данным ВТО. Официальный сайт ВТО. World Bank Commodity Prices [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/merch_trade_stat_e.htm (дата обращения: 12.11.2018).

России создают угрозы ее устойчивому развитию, которое предполагает рационализацию используемых экономических благ [8] и стремление к равновесному состоянию и уменьшению асимметрии [5, с. 14]. Однако ценовые риски не следует рассматривать как единственный провоцирующий фактор – речь идет «о совокупности факторов, формирующих в рамках сочетания и взаимодействия социально-экономические условия, влекущие за собой изменение внешней среды и способные привести к возникновению угрозы экономической безопасности» [3, с. 188].

В целях снижения рисковости страна оказывает влияние не только на величину предложения, сжимая или расширяя его, но и на величину спроса, в частности, отдельных энергопотребителей в контексте реализации политики товарной (поставки различных видов энергосырья, в т. ч. сжиженного природного газа – СПГ) и географической диверсификации. Расширению сотрудничества способствуют экономические преференции в пользу отдельных импортеров, начиная от инвестиционного сотрудничества в рамках проектов по добыче/транспортировке энергосырья и заканчивая льготным ценообразованием на него. Действуя в условиях глобальной волатильности, страна создает зоны относительно комфортных ценовых колебаний, особенно в рамках долговременных контрактных обязательств. Формирование новых направлений поставок, в частности «китайский вектор», этому в немалой степени способствует. Соединенные Штаты Америки предпринимают попытки повлиять на этот расклад. В частности, в марте 2018 года Д. Трампом было объявлено, что «Китай наносит экономике Штатов колоссальный ущерб, и предписано введение таможенных пошлин на китайскую технологичную продукцию на сумму 50-60 млрд долл. ежегодно» [12]. Данное заявление следует рассматривать как маркер недовольства внешней политикой Китая, в т. ч. в контексте его сближения с Россией. Однако втягивание в торгово-экономические войны чревато рисками не только для Китая, но и для самих Штатов. Более того, экономический и политический вес Китая предписывает взаимодействие с ним путем оперирования категорией экономической целесообразности для сторон, а не путем подавления собственной силой. В результате, действия США оказывают обратный эффект – способствуют образованию коалиций, в рамках которых особое место традиционно занимают такие энергопоставщики как Россия. Ее сближение с Китаем не означает отказа от сотрудничества с Европейским союзом – это ключевое для страны направление нельзя потерять с учетом его масштабов и сложившейся взаимообусловленности экономик. Тем более что ведущие акторы ЕС, в частности Германия, заявляют о намерении сохранить взаимовыгодное сотрудничество. По словам А. Меркель, «для Германии как для великой экспортирующей нации очень важна свободная, справедливая торговля. Поэтому правительство Германии будет противостоять протекционистским тенденциям» [1], формируемым усилиями Штатов в контексте «военно-политической зависимости Европы от США» [7, с. 69].

В результате, Россия, не имеющая возможности занимать ведущие позиции в производстве и экспорте наукоемкой продукции и технологий, становится одним из центральных звеньев мировой архитектуры как энергопоставщик. При этом страна влияет на мирохозяйственные процессы как актер, выключение которого из международных отношений не просто невозможно (даже усилиями ведущих экономик), но и нецелесообразно.

Результаты

1. Волатильность цен на нефть следует рассматривать как источник формирования устойчивой зоны риска и неопределенности, причем как для экспортеров, так и для импортеров энергосырья.

2. Ценовая конъюнктура на мировом рынке нефти характеризуется, в первую очередь, соотношением совокупного предложения (96,4 млн баррелей в сутки) и совокупного спроса (97,2 млн баррелей в сутки).

3. Величина совокупного предложения определяется природно-ресурсным потенциалом экспортеров, в т. ч. крупнейших из них: Саудовской Аравии, России, Ирака, Канады, ОАЭ, Ирана, Кувейта, Нигерии, Венесуэлы, Анголы. Они могут наращивать свое присутствие на рынке с целью передела сфер влияния, однако такая тактика имеет определенные недостатки, в частности, как правило, носит временный характер и сопряжена с финансовыми потерями для инициатора торговой войны.

Сокращение величины совокупного предложения может быть результатом договоренностей, достигнутых участниками рынка (как, например, в рамках соглашения ОПЕК+), а также «выключения» отдельных акторов из энергопоставок. При этом реальные показатели разведанных и предварительно оцененных запасов искажаются для достижения целеполагания участников рынка.

4. Величина совокупного спроса определяется темпами динамики мировой экономики, а также отдельных стран-энергопотребителей, среди которых лидирующие позиции занимают Китай, Индия и Южная Корея, а также страны ОЭСР и, в первую очередь, США, а также ряд стран Европейского союза.

Рост их экономик (локомотивом по-прежнему остается Китай с ВВП в 12,014610 трлн долл. и долей в мировом экспорте в 12,77 %), а также численности их населения стимулирует увеличение энергопотребления в целом (одно лишь потребление нефти должно достигнуть к 2040 году 111,7 млн баррелей в сутки), хотя в мировом энергобалансе наблюдается тенденция роста спроса на более экологичные виды энергии и, в первую очередь, на природный газ, удельный вес которого к 2040 году составит 25 % против 28 % доли нефти.

5. Максимальная диспаритетность совокупного спроса и предложения нефти способствовала значительному снижению цен на нее в период с июня 2014 года по январь 2016 года, когда цена на нефть марки Brent упала с 111,87 долл. за баррель до 30,80 долл., на WTI – с 105,24 долл. за баррель до 31,50 долл., на Dubai Crude – с 108,01 долл. за баррель до 27,00 долл., и в среднем цены на нефть сократились с 108,37 долл. за баррель до 29,78 долл.

6. Россия, занимающая второе место по суточной добыче нефти (5,0615 млн баррелей), как и иные участники рынка, испытывает на себе последствия ценовой волатильности, включая бюджетную разбалансированность. Это заставляет искать новые направления сотрудничества в контексте реализации стратегии товарной и географической диверсификации.

Политика Соединенных Штатов, направленная на сохранение собственного статус-кво и на ослабление позиций РФ, в т. ч. в результате координации усилий с Саудовской Аравией, а также наращивания экспорта нефти (с 0,0411 млн баррелей в 2010 году до 1,18 млн баррелей в 2017 году) и развязывания торговой войны с Китаем, приводит к возникновению новых коалиций с участием России. Россия становится важным звеном современной экономической и политической архитектуры, выключение которого из системы мирохозяйственных связей невозможно и нецелесообразно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангела Меркель: Германия – великая экспортирующая нация. ИА REGNUM, 2017. 7 июня [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/economy/2285063.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Боровский Ю.В. Препятствия на пути экспорта российских энергоносителей: конкуренция или соперничество / Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир, 2018. № 2 (16). с. 148-157.
3. Гневашева В.А. Глобальные конкурентные преимущества России как фактор моделирования национальной безопасности / Экономика и предпринимательство, 2018. № 1. с. 185-189.
4. Гуреева М.А. Экономика нефтяной и газовой промышленности: учебник для студ. Учреждений сред. Проф. образования / М.А. Гуреева. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 240 с.
5. Калинин М.Ю. Теоретико-методические основы концепции устойчивого развития региона / М.Ю. Калинин. Региональная экономика: теория и практика, 2005. № 9 (24). с. 14-17.
6. Миловидов В.Д. Расшифровать Трампа: экономический подход. Проблемы национальной стратегии, 2018. № 1 с. 153. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://riss.ru/bookstore/journal/2018-g/problemy-natsionalnoj-strategii-1-46>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
7. Мировая политика в фокусе современности: Монография / Отв. Ред. М.А. Неймарк; Дипломатическая академия МИД России. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018. – 515 с.
8. Пиковский А.А. Устойчивое развитие и культура / А.А. Пиковский, И.А. Орлова. – СПб, 2002. – 216 с.
9. Руднева А.О. Международная торговля; учеб. Пособие / А.О. Руднева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 273 с.
10. Aguilera R.F., Radetzki M. The Price of Oil. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 252 p.
11. Bershidsky L. Saudies Are Winning the War on Shale [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bloombergview.com/articles/2015-09-11/saudis-are-winning-the-war-on-shale>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
12. Whiting T., Walters R. The White House Needs Better Guidance on Its New China Trade Policy // Heritage Foundation, 2018. 27 March [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.heritage.org/trade/report/the-white-house-needs-better-guidance-its-new-china-trade-policy>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

Rudneva Anastasiya Olegovna

Diplomatic academy of MFA of Russia, Moscow, Russia

E-mail: aoru@mail.ru

Conditions of price's volatility on the world oil market in the context of participation of Russia

Abstract. In the article the conditions of volatility of the world oil prices as one of the key aspects of repartition of spheres of influence on the world scene are considered. The resource security is estimated as the basic comparative advantage providing to the national economy a possibility of effective participation in the international trade of power raw materials as one of the key actors. The author focuses attention on the basic price factors – parity of demand and supply on the world oil market. At the same time not only the objective existence of these parameters but also their subjective interpretation by the leading participants of the market are taken into account. It generates the information asymmetry and provokes strengthening of volatility as increase in prices for the power raw materials is steadily succeeded by their decrease connected with country (from the main power consumers), regional and global imbalance of supply and demand of oil. The author estimates Russia as one of the principal actors but not just as a power supplier. It is caused the importance of the country in the solution of global economic tasks. Intensification of opposition with Saudi Arabia and the USA pushes the country to the coalitions including on the Asian vector. In this sense the geographical diversification reduces but doesn't eliminate completely the external price shocks.

Keywords: trade; foreign trade; international trade; trade war; export; Russia; European Union; China; USA; Saudi Arabia; oil; raw materials; sanctions; economy; price; diversification